

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

© 2009 Н.Н.Кузнецова

Оренбургский государственный педагогический университет

Статья поступила в редакцию 29.06.2009

Выявлены наиболее продуктивные в отношении создания экспрессивности способы использования глагольных форм в поэтическом тексте – среди личных форм, причастия и деепричастия – в связи с их семантическими и синтаксическими особенностями.

Ключевые слова: экспрессивный потенциал; личные формы глагола; причастие; деепричастие; сходство и контраст форм.

Глагольная система, в которой «лексическая многозначность совмещается с богатством и разнообразием грамматических форм»¹ располагает неисчерпаемыми возможностями в выражении и вариации смыслов – как идейного плана, так и эмоционального. Как отмечают авторы «Очерков истории языка русской поэзии XX века», в нем наблюдается тенденция к распространению именного стиля и вытеснению глагола, которая, в свою очередь, является результатом десинтаксизации поэтического языка, т.е. стремления к ослаблению синтаксических связей и усилению роли слова². Тем не менее, в сфере создания выразительности глагол, категориальным значением которого является процессуальность (а значит, динамика) вряд ли может утратить свои позиции. Выразительность глагольных форм связана, с одной стороны, с их семантическими особенностями, а с другой – грамматическими, в частности, синтаксическими.

К семантическим особенностям личных форм глагола относятся: 1) Способность создать динамику образа в поэтическом тексте, расставить акценты в субъектно-объектных отношениях, что составляет основное содержание лирического произведения, следовательно, всегда выделяется. Это предопределяет особую выразительную нагрузку данных форм. 2) Личные глагольные формы, наряду с местоимениями, играют большую роль в моделировании поэтического мира. Становясь выразителями коммуникативной направленности текста (*я-я*, *я-ты* или *я-он*), они способны отразить картину мира в определенной эмоционально тональности. 3) Кроме того, если именные формы обычно служат для обозначения

временных и пространственных характеристик предмета речи, то глаголы наиболее тесно связаны с выражением состояния самого лирического героя, который, как правило, всегда в центре повествования, а значит, его образ требует особых выразительных средств.

К синтаксическим особенностям личных форм глагола относится то, что личные формы, как правило, выступают в функции сказуемого, т.е. главного члена предложения. Занимая центральную позицию, он, в силу действия закона выдвигания, в первую очередь привлекает внимание читателя, сообщая о лирическом герое и лирической ситуации в целом наиболее актуальную (новую, разнообразную) информацию. Исследователи говорят о различных аспектах выразительности глагольных форм. Так, Л.Г.Барлас считает видо-временные формы глагола морфологическими источниками речевой или текстовой выразительности³. По словам Р.Якобсона, глагол, обозначая действие или состояние предмета, привел статичный мир наших пращуров в движение; а в поэзии глагол, если брать его в качестве опорного, ключевого слова, приводит к драматизации⁴. И.В.Арнольд отмечает, что особый интерес представляют импликации, связанные с видо-временными формами глагола⁵. Е.В.Скворецкая считает, что экспрессивность глагола в первую очередь связана с наличием в его семантике компонентов, отражающих качественно-количественные характеристики действия: высокую или очень низкую степень его интенсивности (*шарахнуть*); внезапность, резкость, неожиданность (*резануть*); накопительность (*намудрить*); финальность (*отцарствовать*); повторяемость (*по-*

⁰ Кузнецова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи. E-mail: Natlog65@mail.ru.

¹ Виноградов В.В. Русский язык. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 528.

² Очерки истории языка русской поэзии XX в. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста. – М.: Наука, 1990. – С. 218.

³ Барлас Л.Г. Источники текстовой выразительности // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов-на-Дону: Изд-во ун-та Ростова-на-Д., 1987. – С. 30 – 35. – С. 31.

⁴ Якобсон Р. Морфология и поэзия // Избранные работы. – М.: Наука, 1985. – С.237.

⁵ Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб: Изд-во СПб ун-та, 1999. – С. 79.

леживать); двойную модификацию называемого процесса, его сложность (*вызыванность*)⁶.

Думается, что все эти моменты – общие и частные особенности семантики самой глагольной формы, ее способность выражать многоплановое, в том числе и подтекстовое содержание, выступать в качестве опорного, ключевого слова – позволяют глаголу быть основой как языковой, так и речевой выразительности текста. *Глагольные метафоры*, несомненно, обладают богатыми выразительными возможностями. Они могут входить в парадигму одного и того же образа, создавая *полифонию смыслов*. Так, например, поэтический денотат *ночь* является одной из семантических констант поэтического языка, где это обычное временное понятие при помощи различных глагольных форм воплощается в ярких, свежих, изысканных, многоаспектных образах, например: *Ночь расплелась над Римом сытым, И голубела глубь амфор, И трепетал в окне раскрытом Меж олеандров звезд узор*⁷; *Где среди травы, тайком, наедине, Порхает до зари незримая рука По клавишам теней и света И замедляется, ленива и легка... Последний звук, – и ночь допета...*⁸; *Поставь на правый путь! Сомнения развеи... Ночь давит над землей, и ночь – в душе моей. Поставь на правый путь*⁹; *Грядя не двигалась и точно застывала, Ночь надвигалась ощущением провала...*¹⁰. В данных контекстах именно глагольная метафора позволяет варьировать один и тот же образ, кардинально меняя его смысловую и эмоциональную направленность. Всегда привлекает внимание читателя, свидетельствуя о значимых для автора смыслах, глагольная метафора, выраженная одним и тем же (или однокоренным) словом, выступающая в качестве *смыслового контрапункта*, например, у Г.Иванова: *Вновь соловьи засвищут в тополях, И на закате в Павловске ль Царском, Пройдет другая дама в соболях, Другой влюбленный в ментике гусарском ...*¹¹; *И небо. Красно меж ветвей, А по краям жемчужно... Свистит в сирени соловей, Ползет по травке муравей – Кому то нужно*¹². «Свист» соловья (не песня, трель и т.д.) в русском национальном самосознании может ассоциироваться только с былинным персонажем, собирательным образом многочисленных врагов

древних русичей, олицетворением идеи разрушения вообще – Соловьем-разбойником. В приведенных контекстах именно выбор глагола создает контрастность образа: на фоне изысканных картин первого стихотворения и умиротворенной пасторали второго (*ползет по травке муравей*) резкость значения данных глаголов, порождая фоновые (негативные) ассоциации, определяет направление читательского восприятия. Весь «сладостный» мир, к которому когда-то принадлежал поэт, разрушен, безвозвратно утерян. Выражение этого – ключевого для творчества данного автора – смысла глаголами *свистит, засвищут* создает ту драматизацию, о которой говорил Р.Якобсон: напряженный эмоциональный фон, вызванный неразрешимостью проблемы и ощущением трагизма положения лирического героя, которое передается читателю.

Употребление *глагольных метафор парами, цепочками* также позволяет значительно усилить экспрессивность текста, например: *То был ряд усыпальниц, в завесе Заметенных снегами путей За кулисы того поднебесья, Где томился и мерк Прометей*¹³; *Там, как прежде, в фарфоровых гнездах Колченого хромал телеграф, И дышал и карабкался воздух, Грабов головы кверху задрал*¹⁴. В подобных случаях первая метафора является «упаковочным материалом», а основную смысловую нагрузку несет вторая. Именно употребление в цепочках позволяет создавать самые смелые, неожиданные метафоры. Не будь первого члена, они были бы непонятны. Конечно, существенной силой воздействия обладают метафоры, выраженные *разговорным глаголом*, что связано с проявлением общей тенденции поэтического языка XX века к снижению, обытовлению образа. У Б.Пастернака наблюдаем определенную *модель глагольной метафоры: безличный глагол* в прошедшем времени среднего рода или в настоящем времени третьего лица как обозначение состояния окружающего мира и, возможно, – опосредованно – самого лирического героя: *Лука мутило жаром лиловатым*¹⁵; *И олеандры разморило*¹⁶; *Сады тошнит от верст затишья*¹⁷ и др. Стилистическая маркированность (сниженность, разговорность) подобных контекстов выражается здесь не языковыми средствами (не все данные глаголы являются разговорными), а скорее, подчеркнуто бытовым характером, намеренной упрощенностью, непоэтичностью обозначения лирической ситуации, что создает определенную эмоциональную тональность образов, непосредственный тон общения, иллюзию обычного, повсе-

⁶ Скворецкая Е.В. Экспрессивные потенции отыменных глаголов в русском языке // Экспрессивность на разных уровнях языка. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1984. – С. 81 – 90. – С. 86.

⁷ Набоков В.Н. Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1991. – С. 59.

⁸ Там же. – С. 160.

⁹ Там же. – С. 106.

¹⁰ Анненский И. Стихотворения и трагедии. – Л.: Советский писатель, 1990. – С. 136.

¹¹ Иванов Г.В. Стихотворения – М.: Эллис Лак 2000, 2006. – С. 131.

¹² Там же. – С. 177.

¹³ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 348.

¹⁴ Там же. – С. 347.

¹⁵ Там же. – С. 141.

¹⁶ Там же. – С. 152.

¹⁷ Там же. – С. 36.

дневного разговора, тем самым обеспечивая определенной настрой читателя, облегчая восприятие достаточно сложного пастернаковского текста.

Богатыми возможностями в области создания экспрессивности среди глагольных форм, безусловно, обладают *окказионализмы*. Как указывают авторы «Очерков истории языка русской поэзии XX века», по сравнению с поэзией 19 века, в которой тропы опираются на общеупотребительные слова, в поэзии XX века тропы, выраженные окказионализмами, приобретают гораздо большее распространение. Подобные метафорические новообразования значительно расширяют круг способов выражения одного и того же смысла¹⁸, например: *Перешагни, перескочи, Перелети, пере- что хочешь – Но вырвись: камнем из пращи, Звездой, сорвавшейся в ночи... Сам затерял – теперь ищи... Бог знает, что себе бормочешь, Ища пенсне или ключи*¹⁹; *В тот давний год, когда зажглась любовь, Как крест престольный в сердце обреченном, Ты кроткою голубкой не прильнула К моей груди, но коршуном когтила, Изменой первого, вином проклятья Ты нашла друга своего*²⁰; *Хвоя стьнет. Иней кинет. Смотрит дуб-бобыль: Цвет янтарный паутинит Золотую пыль*²¹ и др. Как отмечает Н.А. Николина, в окказиональных явлениях могут проявляться тенденции развития поэтической речи. Кроме того, грамматические окказионализмы, наряду с архаическими формами и формами других языков свидетельствуют о том, что система форм времени в поэтической речи носит открытый характер. Так поэзия ищет выхода за пределы традиционных форм²². Именно поэтому окказиональные формы как проявление динамики языка и креативного потенциала автора располагают существенным экспрессивным потенциалом.

Далее рассмотрим *выразительные возможности неспрягаемых глагольных форм*. Так, к *семантическим особенностям причастий, прежде всего, относится* емкость значения. Причастие совмещает в себе признаки глагола и прилагательного, а именно для этих частей речи прототипической является функция предикации. Другими словами, именно при помощи данных частей речи автор может сообщить о предмете совершенно новую информацию, т.е. выразить то, ради чего создается

данный текст. Кроме того, возможности противопоставления действительных и страдательных причастий позволяют отразить все тонкости различия залоговых (субъектно-объектных) отношений. Следовательно, при помощи этой – особой – формы глагола всегда сообщается достаточно важная для образа и понимания произведения в целом информация, которая, обозначая различные действия и многообразные признаки предмета, обладает возможностями к бесконечному варьированию, в том числе в области создания не только нейтральных, но и экспрессивных форм. Помимо этого, многие причастные формы являются стилистически маркированными, относящимися к высокому стилю, что также позволяет употреблять их в качестве выразительных средств.

К *синтаксическим особенностям причастий относятся* то, что причастия, как отмечала Р.К. Кавецкая, обладают способностями: а) к позиционному варьированию (т.е. могут быть как необособленными, так и обособленными, а значит, выполнять атрибутивную и полупредикативную функции); б) к синонимическому варьированию (у автора есть выбор между причастными конструкциями и придаточными определительными предложениями)²³. Богатые возможности выбора, в свою очередь, позволяют передавать многообразие семантики текста, отражать тончайшие нюансы при создании образа и, конечно, добиваться максимальной выразительности при передаче идейного содержания произведения. Причастие стирает до известной степени признак глагола как действия и выдвигает в нем *признаки постоянства*, например: *Я жидкий блеск икон в дрожащих струйках дыма, Я шелест старины, скользящей мимо, Я струйки белые угаснувшей метели Я бледные тона жемчужной акварели*²⁴. Стихотворение М. Волошина называется «Портрет». Думается, при описании изображения на картине признак постоянства, неизменности, константности будет играть особую роль, поскольку речь идет о чем-то запечатленном навсегда. В связи с этим, в первую очередь могут быть востребованы свойства именно причастия. В данном контексте использованы действительные причастия настоящего времени несовершенного вида и прошедшего времени совершенного вида. При этом свойство постоянства передается: а) значением настоящего продолженного, бесконечно длящегося, без указания на предел действия; б) значением прошедшего законченного. Указание на то, что действие завершилось в определенный момент времени в прошлом и уже нет возможности

¹⁸ Очерки истории языка русской поэзии XX в. Грамматические категории. Синтаксис текста. – М.: Наука, 1993. – С. 188.

¹⁹ Ходасевич В.Ф. Собрание стихов. – М.: Центурион интерпракс, 1992. – С. 182.

²⁰ Ахматова А. Сочинения в двух томах. – М.: Правда, 1990. – Т. 1. – С. 146.

²¹ Нарбут В. Стихотворения. – М.: Современник, 1990. – С. 79.

²² Николина Н.А. Категория времени глагола // Поэтическая грамматика. – Т. 1. – М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2006. – С. 73 – 74.

²³ Кавецкая Р.К. Экспрессивно-стилистический потенциал причастных форм // Русский язык – М.: Изд-во МПГУ, 1975. – С. 138.

²⁴ Волошин М. Стихотворения. – М.: Книга, 1989. – С. 46.

что-либо изменить, также способствует актуализации смысла константности свойств.

Составлять своеобразный смысловой центр всего стихотворения, нести основную смысловую нагрузку стиха²⁵ способно *одиночное причастие*. В подобных случаях оно очень ярко, выразительно может выделять действие субъекта, например: *Мой календарь полуопалый Пуницовой цифрой зацвел; На стекла пальмы и опалы Мороз колдующий навел*²⁶. В повседневной речи более частотным будет формула «мороз рисует на окнах». В то же время, следует отметить, что узор замерзших окон и в жизни не является чем-то будничным, повседневным: он всегда вызывает восхищение своей причудливостью, изысканностью, каждый раз порождая неверие, что столь редкий по красоте рисунок, несущий на себе печать мастерства, может создаваться не человеком. В связи с этим, всегда возникает мысль о волшебстве, зимней сказке, в сознании оживают фольклорные образы. Думается, данный контекст наиболее оптимально передает весь этот спектр эмоций и ассоциаций, связанный с представлениями об объекте речи. И в немалой степени этому способствует грамматическая форма выражения образа. Именно причастие, совмещающее в себе значение действия и признака, позволяет сказать о действии субъекта в процессе его осуществления, представить новое, необычное свойство субъекта (способность к колдовству) и одновременно вызвать у читателя яркий зрительный образ объекта действия – чудесный рисунок на окнах, что обеспечивает данной глагольной форме внушительный экспрессивный заряд.

В то же время в отношении создания выразительности очень продуктивно и *нагнетание причастных форм*, которые иррадируют экспрессию, например: *Запевающий сон, зацветающий цвет, Исчезающий день, погасающий свет. Открывая окно, увидал я сирень. Это было весной – в улетающий день. Раздышались цветы – и на темный карниз Перекинулись тени ликующих риз. Задыхалась тоска, занималась душа, Распахнул я окно, трепещи и дрожа. И не помню – откуда дохнула в лицо, Запеваая, сгорая, взошла на крыльцо*²⁷. В данном контексте, чрезвычайно насыщенном причастными формами, наблюдается и соположенность этих форм, и в то же время контрастность. Симметричность проявляется в их однотипности (несовершенного вида действительного залога настоящего времени), оппозицию же составляют способы глагольного действия. Одни из глагольных форм (*запевающий, зацветающий, занималась,*

запеваая) имеют значение начинательности действия, другие (*исчезающий, погасающий, улетающий*) – в прямом и переносном значениях – передают семантику постепенного его приближения к концу. Симметричность, повторяемость причастных форм, как вообще повтор в поэтике символизма, здесь создает «повышенную музыкальность стиха». Вместе с тем, она «служит выражению многозначного, неопределенного, уходящего в бездонную глубину смысла»²⁸. Смысл же этот складывается из двух составляющих: начало и конец. Одни слова и выражения, например, *исчезающий день, погасающий свет, улетающий день, темный карниз, перекинулись тени, задыхалась тоска* обозначают окончание – одиночества, существования без чувств. Другие указывают на начало нового этапа, прихода любви, а значит, возобновления, возрождения самой жизни в лирическом герое, например, *запевающий сон, зацветающий цвет, открывая окно, это было весной, ликующих риз, занималась душа, распахнул я окно, запеваая, сгорая, взошла на крыльцо*. Таким образом, причастные формы в данном тексте составляют его содержательную (смысловую) и формальную (мелодическую) основу, что способствует их выдвиганию на первый план и возникновению экспрессивного эффекта. Кроме того, нагнетание, концентрация одной и той же формы на небольшом отрезке поэтического текста, как любое усиление, также обеспечивает тексту значительный экспрессивный заряд.

В поэтической речи источником выразительности может выступать *парадигматическая соотношение грамматических форм*, когда намеренно *сталкиваются, противопоставляются* разные группы причастий, каждая из которых обладает своими возможностями в выражении смыслового и эмоционального содержания. Понятно, что подобный способ достижения экспрессивности основан на контрасте причастных форм: *Пустует место. Вечер длится, Твоим отсутствием томим. Назначенный устам твоим Напиток на столе дымится. Так ворожащими шагами Пустынницы не подойдешь; И на стекле не проведешь Узора спящими губами*²⁹. В данном контексте страдательные и действительные причастия являются маркерами и разделителями мира лирического героя и мира героини соответственно. Чувства напрасно томящегося в ожидании героя отражают пассивные конструкции, в которых его эмоции приписываются окружающему миру. Его зависимость, подчиненность выражается при помощи страдательных причастий. Главенство же – за героиней, она хозяйка положения, и это выражается формами дей-

²⁵ Кавецкая Р.К. Экспрессивно-стилистический потенциал причастных форм ... – С. 144.

²⁶ Набоков В.Н. Стихотворения и поэмы... – С. 202.

²⁷ Блок А. Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1987. – С. 66.

²⁸ Очерки истории языка русской поэзии XX в. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы... – С. 12.

²⁹ Мандельштам О.Э. Избранное. – Смоленск: Русич, 2002. – С. 26.

ствительных причастий. Очень значима здесь форма *ворожащими (шагами)*. Причем актуализация этих смыслов достигается не только действительным залогом причастия, но и временем. Настоящее продолженное время несовершенного вида причастия создает иллюзию присутствия героини: хотя ее нет, сила ее обаяния, чары продолжают активно воздействовать на лирического героя и в ее отсутствие.

В качестве агентов экспрессии всегда выступают *однокоренное прилагательное и причастие*, употребленные в рамках одного стиха, например: *О, этот медленный, одышливый простор! – Я им пресыщен до отказа. И отдышавшийся распахнут кругозор – Повязку бы на оба глаза!*³⁰ В данном контексте прилагательное, выражающее значение признака, порождает зрительные ассоциации с грузным, медлительным человеком, которому не хватает воздуха, активизируя тем самым соответствующие чувственные ощущения и вызываемые ими негативные эмоции. Причастие же обогащает образ значением процессуальности, делает его динамичным. Контрастность формального выражения разными частями речи усиливается контрастностью содержания. Актуализация противоположных смыслов прилагательным ('затруднение дыхания') и причастием ('восстановление дыхания') в сочетании с возможностями причастной формы (которая указывает на действие, совершившееся в прошлом, полностью завершённое) позволяет создать образ, развивающийся во времени: сначала лирическому герою не хватало «простора», но затем его переизбыток становится одним из проявления несвободы, отсутствия выбора. Отнесенность обоих образов к абстрактным денотатам (*простор* и *кругозор*) смещает фокус изображения: в первом случае – на окружающий – довлеющий над человеком – мир, во втором – на его восприятие лирическим героем.

*Неизъяснимую я чувствую любовь, мечтательно склоняясь над вашими рядами в стеклянных ящиках, душистых и сухих, как легкие листья больших поблекших библий с цветами блеклыми, заложенными в них*³¹. В данном контексте причастие и прилагательное, напротив, созвучны друг другу, действуют в унисон, создавая образ легких, сладостных воспоминаний о былом. Поблеклость *библий* и *цветов* здесь актуализирует смыслы 'отдаленный по времени', и поэтому 'несколько стертый в памяти'. При помощи прилагательного акцентируется собственно признаковая семантика, а при помощи причастия – глагольная – временная. В результате смысловое и эмоциональное наполнение образа получает завершенность, цельность и в то же время разносторонность, многоаспектность.

³⁰ Там же. – С. 75.

³¹ Набоков В.Н. Стихотворения и поэмы... – С. 207.

Безусловно, в отношении создания экспрессивности весьма продуктивными являются *оказиональные формы причастий*, например: *Напрасно в сковороды били, И огорчалась кочерга. Питается пальбой и тылью Окуклившийся ураган*³²; *Все высвистано, прособачено. Вот так и шлепай по грязи, Пока не вздрогнет сердце, схвачено Внезапным треском жалюзи*³³ и др.

Выразительные возможности деепричастия: К семантическим особенностям деепричастий относится так же, как и у глагола, способность передать динамику образа, но это уже динамика другого рода: данная форма глагола обладает возможностями отразить процесс в его развитии, например: *И, содрогаясь вокруг Творца, И нагибаясь, шепчут строго Друг другу тихое: «Молчи!»*, *И в сумрак вечности вникают, Где жизнью тонкие лучи Из мира в мир перелетают...*³⁴. *К синтаксическим особенностям деепричастий относится* то, что деепричастия в основном входят в состав обособленных членов предложения, которые, выделяясь интонационно, также занимают в предложении особое место: *И вся пустыня снеговая, Молясь, глядела в вышину, Где плыли тучи, задевая Крылами тонкими луну*³⁵. В то же время деепричастие относится к так называемым периферийным формам глагола. Если же эта периферийная форма употребляется изолированно при отсутствии центральных позиций (что распространено в поэзии XX), то в подобных случаях она способна выражать *новые, необычные смысловые и синтаксические отношения*, например: *Синий вечер, тихий ветер И (целуя руки эти) В небе розовом до края, – Догорая, умирая ...*³⁶. В данном контексте отсутствует сказуемое, тем самым на первый план выдвигается добавочное действие. Подобное строение фразы лежит в русле главных тенденций поэтического языка XX века – стремление к новизне взгляда и рост неопределенности, что в свою очередь проявилось в «расширении и усложнении семантики и поэтических функций языковых средств (в том числе всех грамматических категорий и форм), в значимых изменениях принципов синтаксической организации поэтического текста, а также в общей тенденции к семантизации формальных уровней поэтической структуры, т.е. к усилению роли формальных средств в создании поэтического смысла»³⁷. «Изолированные употребления» форм деепричастий при отсутствии центральных позиций избавляют текст от

³² Пастернак Б. Стихотворения и поэмы... – С. 170.

³³ Ходасевич В.Ф. Собрание стихов. – М.: Центурион интерпракс, 1992. – С. 234.

³⁴ Набоков В.Н. Стихотворения и поэмы... – С. 102.

³⁵ Там же. – С. 357.

³⁶ Иванов Г.В. Стихотворения – М.: Эллис Лак 2000, 2006. – С. 113.

³⁷ Очерки истории языка русской поэзии XX в. Грамматические категории. Синтаксис текста... – С. 101.

категоричности, глагольной привязанности ко времени и вместе с тем сообщают ему характер состояния. Тем самым лирическая ситуация сразу переходит из повествовательного плана в сферу чувств, эмоций и переживаний. Несовершенный вид деепричастий относит действие к настоящему, что добавляет живость изображения, создает эффект присутствия читателя при его совершении. В то же время отсутствие указания на его предел позволяет говорить о вневременности, лирический герой как бы застыл в этом состоянии, не в силах вырваться из него, продолжать жизнь, замечать окружающий мир. Эти смыслы и составляют главное содержание этого произведения, написанного Г.Ивановым в эмиграции в 1930 году. Лексические же значения деепричастий (*догорая, умирая*) усиливают степень эмоционального воздействия, указывая на то, что данное состояние осмысливается лирическим героем как последний – безрадостный, безнадежный – этап его жизни.

Деепричастия-метафоры достаточно часто выступают в поэтическом тексте в качестве «агентов экспрессии»: *И целым бором ели, свесив брови, Бре-ли на полузанесенный дом. И, набредя, спохватывались: вот он, Косою ниткой инея ишиит...*³⁸. В данном контексте деепричастный оборот *свесив брови* создает яркий, свежий, но достаточно узнаваемый зрительный образ густых веток ели, свисающих почти до земли. Контрастное использование личной формы глагола *брели* и деепричастия *набредя* создает динамику лирической ситуации, выражая значение протекания действия и его результат, предел. Необычность и выразительность образа связана именно с этой динамикой, всеобщим движением «в кадре» исходно неподвижных предметов: движется не бушующая метель (которая занесла дом), а весь бор «бредет», наступает на дом разлапистыми, раскачивающимися от ветра ветками елей. Первоначальный образ уточняется, становится сказочным: ели, как грузные, тяжело ступающие великаны, медленно бредут и *спохватываются* – останавливаются, сохранив расстояние, не дойдя до дома совсем немного.

Значительным экспрессивным зарядом обладает прием *контрастного использования деепричастий*: *Волны яркие плывут, Волны к счастью зовут Вспыхнет легкая вода, Вспыхнув, гаснет навсегда*³⁹. В данном контексте личная форма глагола противопоставляется форме деепричастия. Их оппозиция подчеркивается, «оттеняется» близким расположением (в соседних строках), а также одинаковым (начальным) положением в строке. Глагол здесь выражает переносное (функциональное) значение: форма будущего времени употреблена в значении настоящего постоянного, повторяющего-

ся. Совершенный вид деепричастия, напротив, указывает на завершенность действия, перенося его в план прошедшего времени. Следовательно, поэт в двух формах выразил значение всех трех времен, в которых протекает человеческая жизнь, – прошедшего, настоящего и будущего. Обозначение слишком маленького промежутка между постоянным и завершенным действием (только что оно казалось вечным и вдруг закончилось), выраженное здесь при помощи данных грамматических форм, по сути, является основным содержанием этого философского стихотворения, в котором поэт размышляет о жизни, ее мимолетности и о неизбежности смерти. Значительный экспрессивный заряд тексту обеспечивает композиционное сходство и лексическая тождественность в сочетании с контрастом грамматических форм.

Пары, цепочки деепричастий также способствуют реализации экспрессивного потенциала данных форм: *Я без слез не могу Тебя видеть, весна. Вот стою на лугу, Да и плачу навзрыд. А ты ходишь кругом, Зеленея, шурша ...Ах, откуда она, Эта жгучая грусть!*⁴⁰. В данном контексте наблюдается противопоставление лирического героя и окружающего мира (весны), реализующееся одновременно и при помощи лексических значений глагольных форм, и за счет их грамматической оформленности. Значительную роль при этом играют деепричастные формы: они акцентируют внимание читателя на контрасте с личными формами глагола. Семантика глаголов *стою* и *плачу*, а также несовершенный вид этих глаголов, указывающий на отсутствие предела действия, создает статичность изображения, застывшее состояние лирического героя. В то же время образ, созданный при помощи деепричастий, передает динамику, движение. Он синкретично совмещает в себе зрительные (зеленый цвет), слуховые (шуршание) и осязательные (движения) ощущения. Именно эта семантика многообразия форм жизни, а также несовершенный вид деепричастий, указывающий на действие в его течении, развитии, призваны отразить процесс возрождения жизни. Тем самым оцепенение лирического героя резко контрастирует со всеобщим оживлением, свойственным этому времени года – весне. Стихотворение В.Набокова написано в 1920 году, в эмиграции. В связи с этим, главной идеей произведения является именно этот конфликт: жизнь вокруг продолжается, бурлит, но она остановилась для лирического героя, потерявшего Родину. Парное расположение всегда способствует усилению того или иного значения, выделению языковых средств, особенно, если они, как в данном контексте, составляют отдельную поэтическую строку. Многогочие, передающее интонацию недосказанности, создает определенную эмоцио-

³⁸ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы... – С. 278.

³⁹ Бальмонт К. Стихотворения. – М.: 1990. – С.55.

⁴⁰ Набоков В.Н Стихотворения и поэмы... – С. 148.

нальную тональность: чувства переполняют лирического героя, ему не хватает слов, чтобы выразить всю боль и горечь. Следовательно, грамматические средства (формы деепричастий) тесно взаимодействуют здесь с лексическими, композиционными и интонационными средствами, максимально точно передавая эмоциональный рисунок образа, задуманный автором, что способствует возникновению существенного экспрессивного заряда и адекватному, не допускающему разночтений, пониманию читателем его замысла.

Сочетание возможностей причастия и деепричастия также способно реализовать экспрессивный потенциал данных форм: *А посреди толпы стоял гравировальщик, Готовясь перенести на истинную медь То, что обугливший природу рисовальщик Лишь крохоборствуя успел запечатлеть*⁴¹. В данном контексте деепричастие «участвует» в противопоставлении «истинный Творец – ремесленник» (в переносном значении этого слова: ‘тот, кто работает по шаблону, без творческой инициативы’). Лексема *медь* в поэтическом языке О.Мандельштама является семантической константой, символизирующей твердость и вместе с тем восприимчивость к новому (т.е. положительные качества). В сочетании с определением *истинная*, которое усиливает эти смыслы, данное слово выступает в качестве положительного члена оппозиции. Если для его характеристики поэт прибегает к традиционным (для него) средствам, то для отрицательного члена противопоставления он находит совершенно новые краски, создающие яркий, выразительный образ. Нестандартная сочетаемость причастия *обугливший (природу)* красноречиво передает отношение автора (или лирического героя) к подобным «творцам», поскольку в семантической структуре данной формы актуализируется сема ‘спаливший’. Лексические значения причастия и деепричастия *крохоборствуя* максимально усиливают резкость, категоричность высказывания: руками подобных «создателей» природа не просто обожжена, она обуглена; они способны отобрать у нее последнее, полностью лишить ее жизни. Формы причастия совершенного вида прошедшего времени указывает на полную завершенность действия, тем самым подчеркивая, что изменить уже ничего нельзя. Форма ж деепричастия несовершенного вида в сочетании с частицей *лишь* сосредотачивает внимание читателя на постоянстве сопутствующего действия: «творить» подобный деятель способен только таким образом и не иначе. Итак, при восприятии произведения на первый план выходят острота в выражении своего отношения к объекту речи, непримиримая позиция в этом вопросе, и ведущая роль в выражении

этой идеи принадлежит именно названным глагольным формам. Различия в грамматическом отношении этих форм позволяет дифференцировать и акцентировать многообразные смысловые аспекты, что и предопределяет их внушительный экспрессивный заряд.

*Деепричастия-окказионализмы, несомненно, всегда являются «агентами экспрессии» в тексте: Ломбардный хлам смотрел еще серее, Последних молний вздрагивала гроздь, И оба уносились в эмпирию, Взаимоокрылившись, то есть врозь*⁴²; *Где среди травы, тайком, наедине, Дорожку к дому огненно наохрив, Вечерний сплав смертельно деденел, Как будто солнце ставили на погреб*⁴³ и др.

Итак, лексическая многозначность глагола и разнообразие его грамматических форм предопределяют его внушительный экспрессивный потенциал, который связан с семантическими и синтаксическими особенностями данной части речи. Лексическое значение глагольных форм располагает неисчерпаемыми возможностями в выражении эмоционально-оценочных обертонов, передающих отношение адресанта речи к тому, о чем он говорит, а также в выражении интенсивности действия, что весьма перспективно в отношении создания экспрессивности. Грамматическая же оформленность высказывания именно за счет глагольных форм получает необходимую многогранность и в то же время точность, гибкость в выражении мысли.

Глагольные метафоры служат необходимым дополнением, обрамлением к поэтическим денотатам-существительным. Они формируют основу образных парадигм, – создавая полифонию смыслов (когда один и тот денотат получает воплощение в различных образах) или выступая в качестве смыслового контрапункта (когда один и тот же образ постоянно присутствует в текстах того или иного автора).

В отношении создания экспрессивности наиболее продуктивны следующие способы использования глагольных форм: 1) *Личных глагольных форм:* а) использование пар глагольных метафор; б) использование глагольных метафор, выраженных разговорным словом, что является одним из проявлений общей тенденции поэтического языка XX века к сниженности, обытовлению образа; в) создание окказиональных глагольных метафор. 2) *Причастий:* а) одиночные причастия могут быть центральным образом или вспомогательным. В последнем случае он тем не менее всегда коррелирует с главным образом, дополняя его, декодируя, обогащая в смысловом и эмоциональном отношении; б) нагнетание однотипных причастных форм. При этом используются как возможности как соположенных, так и контрастно расположен-

⁴¹ Мандельштам О.Э. Избранное. – Смоленск: Русич, 2002. – С. 325.

⁴² Пастернак Б. Стихотворения и поэмы... – С. 301.

⁴³ Там же. – С. 291.

ных форм; в) иррадирует экспрессию *парадигматическая соотнесенность грамматических форм (с различным набором грамматических категорий)*. При этом подбор и расстановка различных причастных форм способствует передаче тонких смысловых, эмоциональных и стилистических оттенков; г) сочетание возможностей *прилагательного и однокоренного с ним причастия*, позволяя в одном контексте совместить признаковую семантику различного характера, способствует завершенности и многоаспектности образа; д) создание *окаzionaliальных причастий*. 3) *Деепричастий*: а) *установление новых, необычных смысловых и синтакси-*

ческих отношений, когда периферийная форма деепричастий при отсутствии основного глагола занимает центральные позиции; б) *контрастное использование деепричастий*, когда в тексте присутствуют однокоренные глагольные формы: личная форма глагола и деепричастие, деепричастие и причастие; в) *использование пар, цепочек деепричастий*; г) *сочетание возможностей деепричастия и причастия*, когда эти формы не контрастируют, а скорее взаимодополняют друг друга, что способствует многогранности и завершенности образа; д) *создание okazjiональных деепричастий*.

EXPRESSIVE POTENTIALITIES OF VERBAL FORMS

© 2009 N.N.Kuznetsova°

Orenburg State Pedagogical University

The most productive are revealed concerning creation expressiveness ways of use of verbal forms in the poetic text among personal forms, a participle and a verbal adverb in connection with their semantic and syntactical features.

Keywords: expressive potential; personal forms of a verb; a participle; a verbal adverb; similarity and contrast of forms.

°Kuznetsova Natalia Nikolaevna, Associate Professor of the Chair of the Russian language, oratory and culture of speech. E-mail: Natlog65@mail.ru